

Повествовательный фольклор юкагиров: традиции и новации

Лидия Евгеньевна Фетисова

(Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного
отделения РАН: Российская Федерация, 690000, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89)

Аннотация. Исследование посвящено выявлению традиционной и новационной составляющих юкагирского повествовательного фольклора, до настоящего времени изученного недостаточно, что делает актуальной заявленную проблематику. Традиционность текстов определяется их органической связью с глубинными пластами общесибирского духовного наследия. Новации связываются как с саморазвитием собственных традиций, так и с внешним инокультурным влиянием. Причем подчеркивается сохранение этнической специфики значительным числом текстов. Особенности животного эпоса юкагиров заключаются в большом числе действующих лиц внутри одного произведения, что редко встречается в устном творчестве других сибирских народов. Это млекопитающие, птицы, рыбы. Рыбы в качестве полноправных сказочных персонажей придают особое своеобразие юкагирскому фольклору. Отмечена оригинальность образа росوماхи. В нарративах, отражающих базовые аксиологические установки, выявлены сюжеты, связанные с осуждением негативных черт человеческого характера, — так, жадность сурово наказывается. Наряду с этим отмечена смыслообразующая значимость таких нравственных категорий, как чувство вины и раскаяние. Вероятно, здесь налицо влияние православной религии, воспринятой сквозь призму аборигенной культуры. Осознание собственной «греховности» из-за множества убитых людей заставляет эпического героя просить о смерти. В сравнении с рядом других исследователей автор статьи считает подобную оценку массового убийства не отголоском давней традиции, а новацией, возникшей под воздействием религиозной философии нового времени. Вместе с тем, невзирая на множественные заимствования от соседних народов, юкагирам удалось сформировать собственный фольклорный репертуар, выделяющий их из иноэтнического окружения.

Ключевые слова: юкагиры, повествовательный фольклор, традиции, новации, иноэтническое влияние.

Дата поступления статьи: 30 июня 2025 г.

Дата публикации: 30 июня 2026 г.

Для цитирования: Фетисова Л. Е. Повествовательный фольклор юкагиров: традиции и новации // Традиционная культура. 2026. Т. 27. № 2. С. 158–167.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.2.012>

Проблема соотношения традиций и новаций до настоящего времени остается основополагающей в исследованиях, посвященных функционированию фольклора в пространстве традиционной культуры. Ее актуальность зависит от степени изученности той или иной этнокультуры. С этих позиций заслуживает внимания фольклорное наследие юкагиров, до недавнего времени остававшееся на периферии научных изысканий. Однако надо признать, что в последние десятилетия исследования в этой области заметно активизировались. В научный оборот были введены новые полевые материалы [Фольклор юкагиров 1989; Фольклор юкагиров 2005], которые дополнили записи В. И. Иохельсона [Иохельсон 1900]. Публикации второй половины XX — начала XXI в. существенно расширили наши представления о значимости устного творчества в жизни юкагиров [Курилов 2005; Прокопьева 2009; 2011; 2022; 2024; Жукова 2013; 2016; Немировский 2017; 2021; Акимова 2021; Петрова 2023 и др.].

Данное исследование посвящено осмыслению трансформационных процессов, происходивших в духовной культуре юкагиров на протяжении XX столетия и получивших отражение в их устном творчестве.

Цель настоящей работы — рассмотреть проблему с точки зрения соотношения этнической самобытности и внешнего культурного влияния. Основными методами исследования являются исторический, описательный, типологический, сравнительно-сопоставительный.

Многими авторами традиция определяется как социокультурное наследие прошлого, существующее в настоящем [Полонская 2006, 6]. По мнению большинства исследователей, баланс традиций и новаций обеспечивает стабильность и развитие культуры. Более того, со временем инновация может превратиться в органическую часть культуры-«реципиента» и даже стать ее этнодифференцирующим фактором [Арутюнов 1989, 160–174]. Взаимодействие традиций и новаций считается частью процес-

са воспроизводства культуры [Улинова 2019, 128]. Таким образом, понимание традиционности как формы фиксации культурной специфики не противоречит утверждению о взаимосвязи традиций и новаций.

Традиционность юкагирских фольклорных текстов обусловлена их «вписанностью» в общесибирское ментальное и художественное пространство, сформировавшее ценностные и эстетические приоритеты коренных народов региона. Причем это касается не только сюжетно-мотивных параллелей, но порой и «дословных» образных характеристик. Заслуживает внимания наблюдаемое у сибирских народов сходство ряда эстетических категорий, например, представления о красоте. Так, женскую привлекательность юкагиры определяют следующим образом: «...сидят девушки прямо-таки с прозрачными телами» (букв.: «видно съеденное ими») [Фольклор юкагиров 2005, 32]. Более развернутое описание находим в нанайской сказке: «Красавица светлая, совсем прозрачная, такая, что видно, как съеденная ею горошина зеленеет, а проглоченные ягодки алым цветом отливают...» [Нанайский фольклор 1996, 195]. Аналогичные характеристики отмечены и у других сибирских народов, в частности у бурят и якутов [Фольклор юкагиров 2005, 480]. Любопытно, что в эскимосском фольклоре точно так же описывается собака — животное, которому принадлежит важное место в быту северных этносов: «Шкура с шерстью у нее прозрачные, так что весь скелет и внутренности видно» [Меновщиков 1974, 67]. Трудно назвать первоисточник этих образов, но, думается, перед нами общевосточносибирская устно-поэтическая традиция. Из этого следует, что художественное мышление юкагиров развивалось в едином русле с мышлением соседних народов.

Юкагирские представления о человеке и окружающем его пространстве соответствуют древнему способу кодирования мира, отличному от понятийно-категориального научного мышления. В частности, у юкагиров присутствует понятие *Пон*,

которое обозначает природу вообще. По наблюдениям исследователей, культ *Пон* у них не отмечен, ему не предназначались специальные моления или жертвоприношения [Жукова 2013, 115]. Для сравнения укажем, что у тунгусо-маньчжуров дух высшего порядка *Бога/Буга/Боа/Буа* также олицетворяет природу как разумное одушевленное начало. Этим общетунгусским словом обозначается не только главное божество, но и окружающее человека пространство, а также небо, космос и природа [Сем 2013, 46]. Примечательно, что *Бога/Буга/Боа/Буа*, подобно юкагирскому *Пон*, не имел ни конкретного словесного описания, ни изображения в декоративном искусстве, т. е. представлял собой абстрактный образ, в котором нашел отражение своеобразный первобытный пантеизм. Л. Н. Жукова справедливо подчеркивает, что «Пон понимается как вместилище сил природы в их разнообразных энергетических проявлениях» [Жукова 2013, 116].

В юкагирском пантеоне в качестве верховного божества, подателя благ встречается также плохо поддающийся конкретизации персонаж *хойл* [Курилов 2005, 489]. По свидетельству В. И. Иохельсона, так же называли икону [Иохельсон 1900, 111]. Вместе с тем о значимости этой фигуры свидетельствует тот факт, что нижнеколымские юкагиры приносили в жертву *хойлу* белого двухгодовалого оленя в качестве благодарности за помощь [Фольклор юкагиров 2005, 468].

Несмотря на то что юкагиров считают самыми древними насельниками Северной Евразии, их собственные представления о начале мира не содержат ярко выраженной архаики, но указывают на зависимость от космо-, культуро- и антропогонических взглядов соседних народов. Ряд мифологических персонажей восходит к образной системе, зафиксированной у других представителей сибирского сообщества. В их числе образ шестиногого (восьминокого) лося, который воспринимался юкагирами как Хозяин земли, однако одновременно с этим не рассматривался как высшее «божество» [Жукова 2013; 2016].

Общеизвестный характер имеют мифологические нарративы, связанные с осуждением кровосмесительного брака. Недопустимость такого союза была закреплена в брачных нормах и нашла отражение в фольклорных текстах, осуждающих инцест. Причем вина возлагалась на женщину: она изменила внешность до неузнаваемости и вышла замуж за родного брата. Мужчина убил обманувшую его сестру и закололся сам [Фольклор юкагиров 2005, 504].

Аналогичная сюжетная ситуация встречается в тунгусо-маньчжурском фольклоре. Так, героями удэгейского мифа-*ниманку* являются *Егдига* и его безымянная сестра, которая изменила облик и стала женой брата. У них родились сын и дочь. Узнав правду, *Егдига* расправился с женой, детей увел в лес, а сам поднялся на высокий обрыв и бросился в бурную реку [Фольклор удэгейцев 1998, 448–450]. В ульчском мифологическом предании-*тэлунгу* также говорится об инцесте брата и сестры. Грешникам пришлось покинуть земной мир [Золотарёв 1939, 167–171].

Несомненное сюжетное сходство свидетельствует о связи рассмотренных текстов, но не вызывает сомнений первичный характер тунгусо-маньчжурских вариантов, представляющих собой развернутое повествование, опирающееся на стройную систему мифологических воззрений. В этом отношении юкагирский нарратив является более схематичным, сохраняющим лишь общую сюжетную канву.

Близость устного творчества юкагиров к фольклорной культуре соседних народов и даже прямые заимствования не лишают его самобытности. В юкагирском фольклоре весьма важное место занимает животный эпос, отличающийся оригинальностью характеристик сказочных героев. Обращает на себя внимание исключительное разнообразие действующих лиц, представляющих фауну среды обитания этноса: лиса, медведь, волк, росомаха, рысь, заяц. Не менее многочисленны пернатые персонажи: ворона, гагара, утка-поганка, лебедь, журавль-стерх,

кукушка, сова, гусь. Причем все они могут быть действующими лицами одной сказки [Фольклор юкагиров 1989, 29], что редко встречается в животном эпосе других народов.

Особое место занимает заяц, но тексты с его участием далеко не всегда могут быть отнесены к сказкам о животных. Лисица чаще всего описывается как хитрое, даже безжалостное существо. У нижнеколымских юкагиров в этой роли выступает песец. Животный эпос нередко имеет этиологический финал. Так, в одной из сказок лисица приревновала своего жениха-зайца к самке-песцу и оторвала ему хвост, так что теперь ему нечем гордиться [Фольклор юкагиров 2005, 245].

Носителем тех же свойств, что и лиса, может быть росомаха. Порой это взаимозаменяемые образы, как, например, в популярном сюжете о наивном медведе, которого коварные звери обманули и съели. Сделав вид, что она лечит раненого человеком зверя, росомаха съела его внутренний жир. Умирая, зверь толкнул росомаху в огонь, отчего та обгорела, а ее шерсть потемнела [Фольклор юкагиров 1989, 61; Фольклор юкагиров 2005, 241]. Однако чаще росомаха характеризуется как глупое животное, что приводит ее к печальному концу. Поскользнувшись на замерзшем озере, росомаха решила, что лед самый сильный во всем ее окружении, но лед сказал, что солнце сильнее, так как превращает его в воду. В поисках самого большого силача героиня дошла до человека, который признал свое превосходство, но за неумное любопытство забил росомаху до смерти [Фольклор юкагиров 2005, 243].

Большим своеобразием отличаются тексты, действующими лицами которых оказываются рыбы. Часть «рыбных» сюжетов представляет собой этиологические повествования, объясняющие происхождение тех или иных свойств обитателей водоемов. В этом отношении наиболее показателен фольклор верхнеколымских (лесных) юкагиров, для которых занятие рыбным промыслом, наряду с охотой, составляло основу жизнедеятельности.

Не случайно рыба интерпретируется ими как символ новой жизни. В сказках описывается война между птицами и рыбами; ленок является одним из звеньев перерождения души в живого человека; мальчик, которого кормили рыбой, оказывается сильнее вскормленного на мясной пище и т. п. [Прокопьева 2022]. Подобные сюжеты можно считать чисто юкагирскими. Оригинальность сказок о животных служит показателем традиционности юкагирского фольклора, выделяя его из устно-поэтического наследия соседних народов.

Значительная часть текстов посвящена морально-этическим установкам, которые носят универсальный характер, оставаясь вместе с тем неотъемлемой частью юкагирского аксиологического пространства. К таким установкам относится, в частности, запрет убийства слишком большого количества животных. Так, старик-юкагир, который не сумел обработать всю пойманную рыбу, был наказан к концу жизни: на него напал медведь, и старик почти ослеп [Хозяин земли 1994, 15–16]. Другой человек был жестоко наказан лесным великаном за охотничий азарт. Несмотря на предупреждение Хозяина земли, он продолжал убивать животных. Тогда Хозяин умертвил его жену и детей, а затем и его самого [Фольклор юкагиров 1989, 14–15].

Жадность считалась одним из наиболее тяжких грехов. Для закрепления в сознании подрастающего поколения базовых морально-этических принципов исполнялись произведения о наказании человека, не желающего делиться едой. Так, в одном из нарративов рассказывается о женщине, которая в одиночку съела мясо убитого мужем оленя. Ее вина усугублялась тем, что она уверяла супруга, будто тот промахнулся на охоте. Узнав об этом, он связал жену и отнес ее на муравейник. Примечательно, что родители женщины не осудили зятя [Там же, 32].

В. И. Иохельсоном был записан текст об охотнике, убившем человека, который не дал ему табаку, имея полный кисет. По словам информанта, русский начальник

его оправдал [Иохельсон 1900, VII–VIII]. В одном из рассказов охотник лишился всей промысловой добычи, потому что не уделил несколько рыбин голодному путнику. Тот оказался шаманом и отправил к озеру огромного быка, который выпил всю воду вместе с рыбой [Хозяин земли 1994, 45]. Заслуживает внимания факт, что и в современных этических нормах жадность рассматривается в ряду таких антиценностей, как насилие, убийство, власть в форме утверждения превосходства одного человека над другим, осквернение и разрушение среды обитания, агрессивность и др. [Философская антропология 2005, 242].

Однако некоторые юкагирские нарративы не содержат прямого осуждения персонажей, в частности родителей, не желающих делиться едой с собственными детьми. Например, в одном из текстов мать согласилась избавиться от дочерей, чтобы им с мужем доставалось по две рыбины из четырех, вылавливаемых каждый день [Фольклор юкагиров 1989, 83]. Понятно, что подобные сюжетные ситуации не должны восприниматься как пример для подражания, но они служат напоминанием о голодных годах, которые приходилось переживать юкагирам. Нередко об этом говорится в самом тексте: там, где они жили, было мало еды — «ягод, рыбы, птицы, зайцев» [Там же, 73]. В другой сказке прямо сказано: «Голодали, вот-вот умрут» [Там же, 39].

Создается впечатление, что проблема пропитания для юкагиров была более острой, нежели для соседних народов. Об этом можно судить по ряду текстов, где одним из действующих лиц считается заяц, популярный персонаж юкагирского фольклора. Он живет со стариком и старухой как их ребенок, член семьи. Однако в голодный год «родители» съели своего «сынка» [Там же, 51–53].

В раннетрадиционном обществе за серьезным проступком следовало наказание, подчас достаточно суровое. В фольклоре большинства народов мира победа добра над злом обычно показана через наказание отрицательных персонажей и

торжество положительного начала в лице главных героев, тогда как в юкагирском фольклоре осмысление конфликтных ситуаций нередко связано с раскаянием персонажа, допустившего нарушение этических норм, что зафиксировано большим числом фольклорных текстов. Например, злой шаман, побежденный добрым молодым шаманом, утратил сверхъестественные способности и пожалел о своих прежних злодеяниях [Там же, 37]. Таким образом, юкагирский этос большое внимание уделяет осознанию виновником недопустимости своего поведения, и за это ему многое прощается. Категория вины выступает в качестве сюжетообразующего приема, получающего завершение в финале произведения. Возможно, здесь имеет место влияние православной религии. Тем не менее, прочно войдя в сознание этноса, новация превратилась в инновацию и стала восприниматься как традиция.

В фольклорном фонде юкагиров заметное место принадлежит библейским персонажам, сюжетам, апокрифическим мотивам. Заслуживают внимания юкагирские версии о всемирном потопе, с помощью которого небожители несколько раз наказывали грешников. Для праведника Ноя боги сделали плот, чтобы спасти его семью и по паре животных. У юкагиров Христос заменил всех традиционных духов-хозяев и стал самым главным устройте-лем жизни на земле. После потопа он насадил растения, распределил еду между животными: лошади и корове дал траву, лося — ветки тальника, оленю — лишайники; для птиц вырастил орехи и ягоды. Именно Христос научил человека приручать животных и благословил корову [Там же, 34–43].

Как следует из фольклорных текстов, нечестивцы, которые не могли выговорить имя Иисус, всегда терпели поражение, например, девушка-дьявол, соревновавшаяся в пении с юной юкагиркой [Там же, 17–18]. В этническом сознании подверглась переосмыслению также информация о нечистой силе. Юкагирский «черт» *Коже* не очень страшен. Неудивительно, что при дележе земли ему доста-

лись самые неудобные наделы со множеством ям и бугров, которые появились в тех местах, где «*черт танцевал*» [Там же, 34]. Таким образом, заимствованные религиозные представления, переработанные в соответствии с сознанием принимающей стороны, со временем стали инновационными компонентами этнокультуры юкагиров.

В устном творчестве нижнеколымской группы особое место принадлежит героическому эпосу. Алайский вождь *Эдилвей/Идилвей*, главное действующее лицо, обычно описывается как удачливый охотник, кормилец не только ближайших родственников, но и большинства сородичей [Фольклор юкагиров 2005, 159]. Заслуживает внимания тот факт, что юкагирский герой приступает к исполнению своей миссии, достигнув зрелого возраста, уже имея детей. К этому его подготовил мудрый старец: «Слишком не торопись. Сначала женись, заведи детей. После этого тело свое подготовь: стань быстрым, стань сильным, трудись. Подготовив свое тело, сможешь пойти вслед за копьем своего отца» [Там же, 129]. Об *Аландине*, герое верхнеколымского фольклора, также сообщается: «У него была жена, дочь и сын» [Фольклор юкагиров 1989, 34]. В противовес этому героический эпос других сибирских народов, в частности тунгусо-маньчжуров, предполагает возможность вступления в брак лишь после выполнения основной миссии — уничтожения или взятия в плен врагов своих соплеменников [Фетисова 2018, 33].

Независимо от высокой значимости семейных ценностей, статусом героя *Эдилвей* наделяется прежде всего как защитник родной земли от иноземцев. Чаще всего это чукчи или коряки, иногда эвены. Вместе с тем массовое уничтожение людей, даже врагов, подвергается осуждению. Считается, что множество смертей неуместно высшим силам: оно ведет к нарушению космического равновесия, и в таком случае от юкагиров отвернется Солнце или их накажет Хозяин земли. Этот постулат имел такую силу воздействия, что осуждение человеком

собственного поведения могло привести его к самоубийству, как в некоторых произведениях, героем которых является *Эдилвей/Идилвей*. Согласно другой версии, он был наказан Духом земли — его ноги сгнили, и до конца своих дней он оставался беспомощным [Фольклор юкагиров 2005, 191].

Тексты раннего происхождения не содержат оценок персонажами своего поведения в связи с истреблением множества врагов, констатируя это как факт: «...он всех поубивал копьем. Забрал их добро, оленей, луки» [Там же, 207]. Например, *Аландин*, фольклорный герой лесных юкагиров, чтобы одолеть противника, пошел на обман: выдал себя за своего работника, недовольного хозяином. Усыпив подозрительность эвенов, он их уничтожил [Фольклор юкагиров 1989, 34–35]. Однако в позднем предании о борьбе с эвенами, тоже записанном от верхнеколымских юкагиров, безымянный герой уже оценивает свою победу, как и *Эдилвей*, — просит своих врагов убить его за то, что он уничтожил слишком много их соплеменников. В другом предании говорится, что бывшие противники дали слово Солнцу о прекращении вражды [Хозяин земли 1994, 77–79]. Как видим, вопреки различиям в культуре двух подразделений юкагирского этноса (нижнеколымского и верхнеколымского), их объединяет общность представлений о непреходящей ценности человеческой жизни.

У соседних народов, в частности у чукчей, идея мирного сосуществования не получила столь глобального осмысления, но была связана с необходимостью прекращения междоусобных столкновений для сохранения этноса: «Если будем еще воевать, совсем не станет мужчин. Хватит, перестаньте воевать! В войне ничего хорошего нет. Одно только плохое. Пусть с этих пор все мужчины будут друзьями!» [Меновщиков 1974, 310].

Анализируя фольклорные тексты юкагиров, А. А. Немировский в лексике тундренной группы выявил термин *ньалльэ*, не встречающийся у других сибирских народов. Близкие представления автор

находит в хеттской концепции «должного» и «сверхдолжного» великодушия по отношению к врагу. В связи с этим исследователь напоминает также о римском понятии *humanitas* (человечность), подчеркивая, что с позиции воинского этоса массовое человекоубийство, даже по отношению к врагам, считается тяжким грехом. Автор справедливо замечает, что признание самоценности любой личности не обязательно обусловлено уровнем развития технической и хозяйственной базы этнокультуры. А. А. Немировский полагает, что сказания об *Эдилвее* представляют собой рудименты древнего эпического наследия [Немировский 2017, 320–328]. Однако, на наш взгляд, перед нами новая жизненная философия, засвидетельствованная художественным мышлением.

Среди эпических героев нижнеколымского фольклора находим и реальных исторических личностей. Так, в сибирских материалах Ф. Ф. Матюшкина, лицейского друга Пушкина, участника северной экспедиции Ф. П. Врангеля (1820–1824), имеется образец героико-эпического творчества начала XIX столетия. Записанная Ф. Ф. Матюшкиным «Омокская поэма» была посвящена поединку между русскими и чукотскими богатырями как напоминание о недавних походах Д. И. Павлуцкого для «замирения» воинственных чукчей. Причем оба военачальника (и русский майор Павлуцкий, и «чукотский медведь» Кочин) описывались с уважением как равные по силе и могуществу. В последней схватке сошлись «ясные соколы» (русские) и «мощные орлы» (чукчи). Павлуцкий пожалел своих «соколов» и распустил их [Матюшкин 2025]. Так исполнитель дал понять, что русские могли потерпеть поражение от чукотского воинства.

Безусловно, перед нами вольное изложение юкагирской «поэмы», но общие этические установки видны достаточно ясно. Судя по содержанию, этот текст можно считать примером нового эпоса, свидетельствующим о жизнеспособности и продуктивности юкагирских эпических традиций. Особенно ярко они

проявились в фольклорном наследии нижнеколымской группы. В связи с этим вызывает сомнение утверждение авторов коллективной монографии, что юкагирская культура полностью утратила самобытный облик [Юкагиры 1975, 79].

Как показало исследование, повествовательный фольклор юкагиров представлен достаточно большим числом сюжетов, многие из которых общеизвестны. Их этническая специфика видна прежде всего в своеобразной оценке типичных сюжетных ситуаций и оригинальных характеристиках персонажей. В этом отношении весьма показателен животный эпос — самый архаический пласт юкагирского фольклора и по этой причине наиболее отвечающий признаку традиционности. Обращает на себя внимание одновременное участие в развитии сюжета большого числа действующих лиц, среди которых невозможно выделить главных и второстепенных. Более того, их достаточно сложно представить в качестве однозначно положительных либо отрицательных героев. Вместе с тем повествовательный фольклор в основном содержит сюжетные ситуации, дающие достаточно ясное представление об аксиологической составляющей мышления юкагиров. С этих позиций рассмотрено такое осуждаемое свойство живых существ, как жадность, особенно связанная с обманом. В качестве важного этноопределяющего фактора, имеющего позднее происхождение, представлены категории вины и раскаяния — значимые смыслообразующие компоненты, выделяющие художественное мышление юкагиров на общесибирском фоне. Не исключено, что здесь сказалось влияние православной религии. Новационные тенденции привели к существенным изменениям в традиционном сознании, которые, в частности, выражаются в стремлении избегать однозначных оценок — положительных либо отрицательных. Все вышеизложенное дополняет имеющуюся информацию о юкагирском фольклорном наследии и расширяет границы его дальнейшего изучения.

Источники и материалы

Золотарев 1939 — *Золотарев А. М.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939.

Иохельсон 1900 — *Иохельсон В. И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб.: Имп. Акад. наук, 1900. Ч. 1.

Матюшкин 2025 — *Матюшкин Ф. Ф.* Письма к Е. А. Энгельгардту. URL: ru.wikisource.org (дата обращения: 08.04.2025).

Меновщиков 1974 — *Меновщиков Г. А.* Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М.: Наука, 1974.

Нанайский фольклор 1996 — *Нанайский фольклор: нингман, сиохор, тэлунгу* / Сост. Н. Б. Киле. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1996.

Фольклор удэгейцев 1998 — *Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ* / Сост., вступ. ст., коммент. и словарь Е. П. Лебедева, М. М. Хасановой, В. Т. Кялундзюги, М. Д. Симонова. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998.

Фольклор юкагиров 1989 — *Фольклор юкагиров Верхней Колымы: (Хрестоматия).* В 2 ч. Ч. 1: Сказки / Под ред. И. Николаевой. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1989.

Фольклор юкагиров 2005 — *Фольклор юкагиров* / Сост. Г. Н. Курилов. М.; Новосибирск: Наука, 2005.

Хозяин земли 1994 — *Хозяин земли: Легенды и рассказы лесных юкагиров* / Сост. Л. Жукова, О. Чернецов. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994.

Исследования

Акимова 2021 — *Акимова В. С., Немировский А. А., Шадрин В. И.* Этническая история юкагиров (с древнейших времен до XX в.). М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. Ч. 1.

Арутюнов 1989 — *Арутюнов С. А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989.

Жукова 2013 — *Жукова Л. Н.* Очерки по юкагирской культуре: (В 3 ч.). Якутск: Бичик, 2013.

Жукова 2016 — *Жукова Л. Н.* Юкагирский миф о погоне за восьминогим лосем и его китайские параллели // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 3. С. 121–128.

Жукова 2023 — *Жукова Л. Н.* Следы древнекитайского влияния в традиционной культуре юкагиров Верхней Колымы // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 78–92.

Немировский 2017 — *Немировский А. А.* Концепция ньялльэ и воинский этос юкагиров (по североюкагирскому эпосу об Эдилвэе) // Фольклор палеоазиатских народов: Матер. II Междунар. науч. конф. «Фольклор палеоазиатских народов» (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.). Якутск: Якутия, 2017. С. 320–328.

Петрова 2023 — *Петрова В. А.* Юкагирская сказка «Сэмтэнэй-Пэлдуиди» и ее сюжетные аналоги // Современное юкагироведение в контексте арктических исследований: Матер. Всерос. науч.-практ. конф., посв. 85-летию известного юкагир. ученого, поэта, обществ. деятеля Гаврила Николаевича Курилова-Улуро Адо (Якутск, 27–28 апреля 2023 г.). Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2023. С. 134–141.

Полонская 2006 — *Полонская И. Н.* Понятие традиции: проблема определения // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общие-ственные науки. 2006. № 2. С. 6–9.

Прокопьева 2009 — *Прокопьева П. Е.* Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009.

Прокопьева 2011 — *Прокопьева П. Е.* Фольклор лесных юкагиров в конце XX — начале XXI века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3. С. 25–31.

Прокопьева 2022 — *Прокопьева П. Е.* Представления о рыбах в традиционной культуре лесных юкагиров (по материалам языка, этнографии и фольклора) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 11. С. 3435–3440.

Сем 2013 — *Сем Т. Ю.* Верховный пантеон тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока: XIX–XX вв. (типология и семантика образов). Южно-Сахалинск: СОКМ, 2013.

Улинова 2019 — *Улинова И. Х.* Динамика традиций в культуре: общая характеристика и фактор взаимодействия с инновациями // Вестник СПБГИК. 2019. № 4 (41). Дек. С. 123–130.

Фетисова 2018 — *Фетисова Л. Е.* Повествовательный фольклор коренных народов Амуро-Сахалинского региона: своеобразие и взаимодействие традиций. Владивосток: Дальнаука, 2018.

Философская антропология 2005 — *Философская антропология* / Под ред. С. А. Лебедева. М.: Академкнига, 2005.

Юкагиры 1975 — *Юкагиры: Историко-этнографический очерк.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975.

© Л. Е. Фетисова, 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Фетисова Л. Е. <http://orcid.org/>

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН: Российская Федерация, 690000, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89; тел.: +7 (423) 226-40-12; e-mail: fetisova.lidie@yandex.ru

Ukaghir Narrative Folklore: Traditions and Innovations

Lidia E. Fetisova

(Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences: 89, Pushkinskaya str., Vladivostok, 690000, Primorskii region, Russian Federation)

Summary. *This study focuses on identifying the traditional and innovative components of Yukaghir narrative folklore, which has been insufficiently studied to date. The traditional nature of the texts is disclosed in their organic connection with deep layers of the Siberian spiritual heritage. Innovation is associated both with the development of particular Yukaghir traditions and with external influences. The ethnic specificity of the Yukaghir animal epic lies in the large number of characters within a single work, which is rare in the folklore of the Siberian peoples. These include mammals, birds and fish. The inclusion of fish as full-fledged fairy tale characters adds a unique touch to Yukaghir texts. The image of the wolverine is particularly notable for its originality. Narratives reflecting basic axiological principles include the condemnation of negative aspects of human nature. One such aspect is greed, which is severely punished. On the other hand, the author also notes the significance of such moral categories as guilt and repentance in them. This may be a reflection of the Orthodox religion, interpreted through the lens of indigenous culture. The realization of his own sinfulness due to having killed many people leads the epic hero to ask for death. Unlike several other **researchers**, the author of this article believes that this perception of mass killing is not the echo of an old tradition, but rather an innovation that emerged under the influence of modern religious philosophy. However, it should be noted that despite their numerous borrowings from neighboring peoples, the Yukaghirs have managed to create their own folklore repertoire that sets them apart.*

Key words: Ukaghirs, narrative folklore, traditions, innovations, non-ethnic influence.

Received: June 30, 2025.

Date of publication: June 30, 2026.

For citation: Fetisova L. E. Ukaghir Narrative Folklore: Traditions and Innovations. *Traditional Culture*. 2026. Vol. 27. No. 2. Pp. 158–167. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.2.012>

References

- Akimova V. S., Nemirovskiy A. A., Shadrin V. I. (2021) *Etnicheskaya istoriya yukagirov (s drevneishikh vremen do XX v.)* [Ethnic History of the Yukaghirs (from Ancient Times to the Twentieth Century)]. Moscow; Berlin: Direktmedia Publishing. In Russian.
- Arutyunov S. A. (1989) *Narody i kul'tury: razvitiye i vzaimodeystvie* [Peoples and Cultures.

Their Development and Interaction]. Moscow: Nauka. In Russian.

Fetisova L. E. (2018) *Povestvovatel'nyi fol'klor korennykh narodov Amuro-Sakhalinskogo regiona: svoeobrazie i vzaimodeystvie traditsii* [Narrative Folklore of the Indigenous Peoples of the Amur-Sakhalin Region: Its Uniqueness and the Interplay of Traditions]. Vladivostok: Dal'nauka. In Russian.

Lebedeva S. A. (ed.) (2005) *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology]. Ed. by S. A. Lebedeva. Moscow: Akademkniga. In Russian.

Nemirovskiy A. A. (2017) *Kontseptsiya n'al'leh i voinskii ehtos yukagirov (po severoyukagirskomu eposu ob Edilvehe)* [The Concept of Nyal'leh and the Yukaghir Warrior Ethos (Based on the North Yukaghir Epic of Edilvee)]. In: *Fol'klor paleoaziatskikh narodov* [Folklore of Paleoasiatic Peoples]. Yakutsk: Yakutiya. Pp. 320–328. In Russian.

Petrova V. A. (2023) *Yukagirskaya skazka «Sehmtenehi-Pehlduidi» i ee syuzhetnye analogi* [The Yukaghir Fairy Tale “Samtenay-Palduidi” and its Plot Analogues]. In: *Sovremennoe yukagirovedenie v kontekste arkticheskikh issledovaniy: Mater. Vseros. nauchno-praktich. konf.* [Modern Yukaghir Studies in the Context of Arctic Research. Materials of All-Russian Scholarly and Practical Conference]. Yakutsk: IGIIPMNS SO RAN. Pp. 134–141. In Russian.

Polonskaya I. N. (2006) *Ponyatie traditsii: problema opredeleniya* [The Concept of Tradition. The Problem of Definition]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [Higher Education News. North Caucasus Region. Social Sciences]. 2006. No. 2. Pp. 6–9. In Russian.

Prokop'eva P. E. (2009) *Otazhenie mifologicheskogo myshleniya v yukagirskom fol'klоре* [The Reflection of Mythological Thinking in Yukaghir Folklore]. Novosibirsk: Nauka. In Russian.

Prokop'eva P. E. (2011) *Fol'klор lesnykh yukagirov v kontse XX — nachale XXI veka* [Folklore of the Forest Yukaghirs in the Late Twentieth — Early Twenty-First Century]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Research in Eastern Siberia and the Far East]. 2011. No. 3. Pp. 25–31. In Russian.

Prokop'eva P. E. (2022) *Predstavleniya o rybakh v traditsionnoi kul'ture lesnykh yukagirov*

(po materialam yazyka, ehtnografii i fol'klora) [Ideas about Fish in the Folklore of the Forest Yukaghirs (Based on Materials of Language, Ethnography and Folklore)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. 2022. Vol. 15. Iss. 11. Pp. 3435–3440. In Russian.

Sem T. Yu. (2013) *Verkhovnyi panteon tunguso-man'chzhurskikh narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: XIX–XX vv. (tipologiya i semantika obrazov)* [The Supreme Pantheon of the Tungusic-Manchu Peoples of Siberia and the Far East (Typology and Semantics of Images)]. Yuzhno-Sakhalinsk: SOKM. In Russian.

Ulinova I. Kh. (2019) *Dinamika traditsii v kul'ture: obshchaya kharakteristika i faktor vzaimodeistviya s innovatsiyami* [The Dynamics of Tradition in Culture: General Characteristics and the Interaction with Innovations]. *Vestnik SPBGIK* [Bulletin of SPbGIC]. 2019. No. 4 (41). December. Pp. 123–130. In Russian.

Yukaghirs (1975) *Yukagiry. Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Yukaghirs: Historical and Ethnographic Sketch]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otd-nie. In Russian.

Zhukova L. N. (2013) *Ocherki po yukagirskoi kul'ture* [Essays on Yukaghir Culture]. Yakutsk: Bichik. In Russian.

Zhukova L. N. (2016) *Yukagirskii mif o pogone za vos'minogim losem i ego kitaiskie paralleli* [The Yukaghir Myth of the Pursuit of an Eight-Legged Moose and its Chinese Parallels]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [North-Eastern Humanitarian Bulletin]. 2016. No. 3. Pp. 121–128. In Russian.

Zhukova L. N. (2023) *Sledy drevnekitaiskogo vliyaniya v traditsionnoi kul'ture yukagirov Verkhnei Kolymy* [Traces of Ancient Chinese Influence in the Traditional Culture of the Yukaghirs of Upper Kolyma]. *Rossiya v global'nom mire* [Russia in the Global World]. 2023. Vol. 26. Iss. 3. Pp. 78–92. In Russian.

© L. E. Fetisova, 2026

ABOUT THE AUTHOR

Lidia E. Fetisova <http://orcid.org/>

E-mail: fetisova.lidie@yandex.ru

Tel.: +7 (423) 226-40-12

89, Pushkinskaya str., Vladivostok, 690000, Primorskiy region, Russian Federation

PhD in Philology, Leading Researcher, Center for the History of Culture and Intercultural Communication, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)